

ГЛАВА III.

Травля зайцевъ.

Царское мѣсто представляла и другая половина енды, но только тутъ было уже не болото съ камышами и ольхами, а сухой лугъ, кочковатый, покрытый густой ивовою зарослью; пространство было обширное и противоположный конецъ перемычки, гдѣ стояли кирпичные сараи, оканчивался ровнымъ, длиннымъ лугомъ, тянувшимся вдоль рѣчки.

Къ этому острову и тронулись мы; доѣзжацій повелъ внизъ стаю.

Дядя обратился къ дамамъ:

— Теперь, милостивыя государыни, если кому изъ васъ угодно стоять при сворахъ, сдѣлайте одолженіе! Краснаго звѣря не будетъ...

— А вы, обратился онъ къ своимъ охотникамъ, становитесь между господами, какъ только они займутъ свои мѣста.

Дамы заволновались. Больше всѣхъ тревожилась высокая, сухошавая супруга Федора Ивановича, заботливая мать двухъ замѣчательно безобразныхъ дочерей.

— Скажи ты своему болвану, Васькѣ Горячему, чтобъ онъ не смѣлъ непечатныя слова употреблять! запальчиво внушала она мужу. Вспомни, что у тебя дочери невѣсты...

Федоръ Ивановичъ ничего не отвѣчалъ, но прямо обратился къ Васькѣ.

— Слышишь ты, олухъ, что барыня приказываетъ?

*) См. „Природа и Охота“ Январь и Мартъ 1890.

— Слушаю-съ.

— Запорю до смерти на конюшнѣ, коли съ непечатнымъ словомъ травить будешь!

Василій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на барина, очевидно ничего не понимая.

Заботливая мамаша помѣстилась сзади, бокомъ, на дрожкахъ своего мужа, и они тронулись медленнымъ шагомъ въ сопровожденіи своихъ двухъ дочерей и Васьки со сворой. Барышень-невѣстъ никто изъ кавалеровъ не сопровождалъ, по причинѣ, вѣроятно, ихъ безобразія.

— Пожалуйста, ты стань возлѣ Исленьева. Онъ нынче очень пристально посматривалъ на Ваву... наставляла своего супруга Вѣра Павловна.

Дальнѣйшія наставленія были перебиты громкимъ женскимъ голосомъ, издали кричавшимъ:

— Вѣра Павловна! *Chère amie!* возьмите меня съ собой.

— Господи, господи!—съ отчаяніемъ вздохнулъ Федоръ Ивановичъ.

— Ахъ, очень рада, очень рада! крикнула Вѣра Павловна, причемъ каждое слово ея сопровождалось какимъ-то сипѣніемъ, на подобіе звука сыплющагося овса.

— А ты молчи...—обратилась она сурово къ мужу.—У тебя дочери невѣсты, ты это помни!.. Какъ она ихъ расхаитъ, такъ на рукахъ и сядутъ...

Особа, по поводу которой шли эти супружескія объясненія, была сосѣдка супруговъ, Евгенія Аполлоновна Шипкина. Она проводила всю зиму въ Петербургѣ и только на лѣто пріѣзжала съ мужемъ въ деревню, привозила съ собой въ провинцію моды и читала всѣмъ наставленія относительно свѣтскихъ приличій, чѣмъ крайне надоѣдала всѣмъ и почему ее какъ-то побаивались.

Переваливаясь и не торопясь, подвигалась она къ дрожкамъ.

— Я свое мѣсто уступлю вамъ—вы устали. А я и такъ дойду, здѣсь близко... сыпала своимъ овсянымъ голосомъ Вѣра Павловна.

— *Merci, merci!* Было-бы неприлично съ моей стороны

пользоваться такой любезностью, дорогая Вѣра Павловна... Нѣтъ, не беспокойтесь, я дойду съ вашими дочками.

Приостановившіяся дрожки двинулись тихимъ шагомъ далѣе.

Разнообразныя группы кольцомъ обвили островъ. При каждой сворѣ собакъ, кромѣ охотника, стояли не только дамы, но даже и дѣти съ няньками; а въ одной группѣ виднѣлась кормилица съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

Я никуда не спѣшилъ, зная, что моимъ старымъ кобелямъ развѣ только изъ-подъ угонки придется поймать, и помѣстился между дядей моимъ и В., невдалекѣ отъ Федора Ивановича.

Нѣмецъ Иванъ Федоровичъ, не зная гдѣ стать, съ своей красной спиной и зелеными боками, носился на своей кобылѣ взадъ и впередъ передъ охотниками. Дядю это, наконецъ, разсердило и онъ крикнулъ.

— Вы что это гарцуете взадъ и впередъ, Иванъ Федоровичъ?

— Тай хотиль окотъ на зайцъ...

— Ну, такъ становитесь-же къ кому-нибудь... Вонъ хотъ къ Ивану Петровичу.

Дядя улыбнулся.

— Я тебѣ стану, колбаса! пробасилъ В., грозя нѣмцу арапельникомъ. Ступай вонъ къ Федору Ивановичу.

Нѣмецъ, мелкой рысью трясясь на сѣдлѣ, погналъ свою вертохвостку прямо къ Федору Ивановичу, который еще издали увидалъ это его намѣреніе.

— Куда вы? Куда вы!.. отчаянно кричалъ онъ ему. Не надо... Тамъ станьте.

— Ахъ, оставьте его! Какъ это можно? Онъ можетъ о насъ рассказать тамъ у себя, въ Германіи... Это неприлично!.. заступилась Шишкина за нѣмца и, благодаря ея вмѣшательству, группа ихъ увеличилась.

Къ дядѣ подѣхалъ Егоръ Ивановичъ Дріанскій, прося у него позволенія стать около него.

Когда всѣ были на мѣстахъ, дядя далъ голосъ къ напуску. Спустя пять минутъ, Феопень помкнулъ стаю и весь полазъ гончихъ, затѣмъ онъ запорскалъ, выжлятники при-

няли, и островъ огласился оглушительнымъ порсканьемъ, съ разными приговорками, по временамъ даже съ покрикиваньями, подражающими заячьему верещанію.

Нѣсколько гончихъ вскорѣ схватили какъ-будто на-взрячь. Закипѣла стая, стала сливаться. Обычное восклицаніе: слушай, къ нему! понеслось со стороны выжлятниковъ, и бойкій русакъ катилъ ужъ опушкой впереди стаи. Доѣзжачій, какъ говорится, сидѣлъ ужъ на стаѣ.

Русакъ вскочилъ на полугору и сталъ ею держаться. Выжлятники лихо заскакали его низомъ, начали отхлопывать отъ опушки. Тогда онъ вдругъ повернулъ вверхъ и понесся прямо на Федора Ивановича. Быстро бросились въ полугору выжлятники и заскакали гончихъ, а доѣзжачій, оставшись на мѣстѣ, сталъ звать въ рогъ.

Между тѣмъ русакъ, вынесшись наверхъ, покатилъ прямо въ ноги сіявшему радостью Федору Ивановичу. На всѣхъ сворахъ завизжали и запрыгали собаки, но ни одинъ не спустилъ.

— Ото-то-то! закричалъ Федоръ Ивановичъ, какъ только заяцъ поровнялся.

— Спускай, с... с...! обратился онъ къ Васькѣ.

— Уту его! Уту его! неистово заоралъ Васька и, бросивъ свору, ринулся за зайцемъ съ цѣлымъ фейерверкомъ непечатныхъ словъ.

— Dieu! Dieu!.. Какъ это неприлично! застонала Евгенія Аполлоновна, отводя въ сторону лице и закрываясь руками.

Скакавшая съ двумя кобелями, лихая сучка вырвалась между ними и лихой угонкой поворотила зайца ушами назадъ.

Федоръ Ивановичъ припрыгивалъ на своихъ дрожкахъ.

Но вотъ подоспѣли кобели. Заяцъ присѣлъ, кобели пронеслись, заяцъ понесся снова. Тутъ завладѣлъ имъ Черкесь.

— Ухъ, Черкесушка! Ухъ его!

И вновь залпъ непечатныхъ словъ.

— Ah, quelle horreur! взвизгнула Шишкина.

— Уйми-жъ ты его, негодяя, уйми! кричала Вѣра Павловна своему мужу, теребя его изо всей силы за руку.

А тотъ, весь отдавшись страсти, не замѣчая и не слыша отчаянныхъ восклицаній жены, только и видѣлъ травлю, видѣлъ, что сука кубаремъ покатила съ русакомъ.

— Ого-го-го! изо всей силы кричалъ онъ. Васька вторилъ его крику, подбирая, точно нарочно, самыя отборныя выраженія.

— Безсовѣстный! Съумасшедшій!..

Вѣра Павловна выходила изъ себя и не знала, какъ образумить своего мужа.

Сука опять спустила, русакъ справился и катилъ опять по рубежу, а собаки вновь спѣли къ нему.

— Васька, с... с... Запорю на конюшнѣ!..

И взволнованный Федоръ Ивановичъ самъ тутъ ввернулъ такое крѣпкое словцо, что Шишкина уже по-русски вскрикнула:

— Ахъ, замолчите!

Но Федоръ Ивановичъ по прежнему оставался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ дамскимъ восклицаніямъ. Онъ стоялъ на дрожжахъ и слѣдилъ жадно за травлей. Скакалъ онъ только по красному звѣрю, за зайцемъ-же никогда. Вдругъ онъ видитъ, что со своры у г. Калинина соскочила красная собачка и начала считать его собакъ, уже вытянувшихся, и съ первой угонки понесла зайца въ поноску.

Васька отгокалъ и сталъ отбивать зайца.

Федоръ Ивановичъ кипятился.

— Подло это! низко! подло! кричалъ онъ во все горло.

Тутъ Вѣра Павловна стала передъ нимъ и, стараясь закрыть ему ротъ, стала водить рукой по его лицу отъ носа книзу, приговаривая при этомъ:

— Низко и безсовѣстно это съ вашей стороны! Вы забыли, что у васъ дочери барышни... Стыдитесь.

Федоръ Ивановичъ какъ-то нечаянно взглянулъ на нее и вдругъ закричалъ громовымъ голосомъ:

— Убирайтесь вы отъ меня всѣ къ чорту!..

Чѣмъ кончилась эта сцена, мнѣ видѣть уже не пришлось, потому что гончія вынесли русака между дядей и В., которые оба одновременно и показали его.

— Уту его! раздалось съ обѣихъ сторонъ.

— Ухъ, ухъ! повторили стремянные.

Лихой русакъ неся стрѣлой. Ханъ заспѣлъ къ нему съ Татаркой ухо въ ухо; не доскажавъ трехъ сажень, онъ сдѣлалъ бросокъ и черезъ голову покатился съ зайцемъ.

Стремянной отбилъ зайца.

— Здорово попотчивалъ вашъ лѣшій мою суку, говорилъ дядѣ съ упрекомъ В.

Дядя молча улыбнулся.

Стремянные подбирали собакъ; и я подобралъ своихъ инвалидовъ, бывшихъ безучастными свидѣтелями травли.

Возвращаясь назадъ, мы видѣли прекрасную, полную оживленія картину: гдѣ скакали, гдѣ отбивали затравленныхъ русаковъ; дамы, подобравъ платья, бѣжали за скакавшими, другія стояли у охотниковъ, второчивавшихъ русаковъ.

Мы ѣхали въ островъ.

Вдругъ къ намъ навстрѣчу вынесся русакъ. Не пропустивъ его, скинули своры прямо ему въ лобъ; собаки сгоряча разѣхались и русакъ покатилъ прямо.

— Ухъ, Татарочка! крикнулъ В.

Татарка заспѣла лихими ногами и, отдѣлившись отъ всѣхъ собакъ, начала носить русака на щипцѣ; только что она повихнула его, какъ два кобеля дяди, Хаянъ и Наянъ, кубаремъ покатались съ русакомъ.

Дядя былъ очень доволенъ.

— Браво, Наянъ!—Браво!

Иванъ-же Петровичъ былъ совсѣмъ ошеломленъ.

— Подержись еще немножко косой, — и куда-бы этимъ лошадямъ! говорилъ онъ съ сокрушеніемъ.

Къ нему уныло подѣхалъ Захарка.

— Сучка совсѣмъ не скачетъ, баринъ!... Должно уби-лась давнись...

— Дуракъ ты!.. Видишь—мѣсто коротко. . Она только было заловила, а эти шуты заспѣли...

Дядя рѣшилъ, что если еще продолжать травить, то можно сразу посадить собакъ, и потому велѣлъ стремянному дать голосъ къ вызову.

Въ островѣ гонъ не прекращался, но стоя ужъ разби-лась и, очевидно, затомилась. Какъ только замеръ послѣд-

ній звукъ къ вызову, какъ въ островѣ со всѣхъ сторонъ слышалось:—„Стой, слушай, къ рогу!“—и хлопанье арапельниковъ.

Всѣ стали собираться къ кирпичнымъ сараямъ. Хозяйка тутъ хлопотала уже о приготовленіи чая и закусокъ. Въ-стѣ съ ней суетились нѣсколько пожилыхъ дамъ; однѣ изъ нихъ уставляли свои наливки, привезенныя ради того, чтобъ похвалиться ими; другія раскладывали ради той-же цѣли фрукты.—Особенно предусмотрительныя смотрѣли на возвращающуюся молодежь и замѣчали, съ кѣмъ и какъ разговариваютъ ихъ дочери.

Когда публика подходила уже къ сараямъ, вдругъ неожиданно раздалась музыка. Это былъ сюрпризъ, приготовленный княземъ Б., который тайкомъ привезъ сюда своихъ музыкантовъ. Игралось какое-то попури изъ танцевъ и пѣсень, составленное капельмейстеромъ нарочно для торжественнаго дня—открытія охоты.

Князь Б. самодовольно потиралъ руки.

— Какову штуку выдумалъ для нашего праздника мой Матвѣй Матвѣевичъ-то, а?—Можно теперь намъ другъ друга поздравить съ праздникомъ и выпить холодненькаго.

Онъ махнулъ своему дворецкому, у котораго ужъ заранѣе были приготовлены бокалы и шампанское.

Князь провозгласилъ первый тостъ за здоровье Государя Императора Николая Павловича. Въ отвѣтъ на этотъ тостъ раздалось громкое ура, всѣми подхваченное и повторенное даже крестьянами, собравшимися въ отдаленіи поглазѣть на господъ. Оркестръ заигралъ „Боже, царя храни!“ Всѣ сняли шапки и, стоя, благоговѣйно выслушали гимнъ до конца.

Затѣмъ князь предложилъ тостъ за любезнаго гостепріимнаго хозяина, доставившаго всѣмъ такъ много удовольствія. Дядю начали качать. Послѣ этого пошли тосты за дамъ, за гостей, за охотниковъ, а наконецъ стали пить всякій по своему.

Молодежь уже танцевала подъ звуки музыки, а старики потребовали себѣ пѣсенниковъ и Феопена.

— Съ полемъ, Феопенъ Ивановичъ! закричали господа, едва только тотъ успѣлъ приблизиться къ группѣ.

— Баронъ подошелъ къ Феопену.

— Дай-ка я тебя поцѣлую, сказалъ онъ ему. Ты подохнешь, и такого ужъ у насъ вѣдь больше не будетъ.

Онъ три раза поцѣловалъ старика, который въ это время все старался поймать для поцѣлуя его руку.

Тогда и дядя подошелъ и также поцѣловалъ Феопена, давъ ему какую-то ассигнацію.

— Спасибо, братъ! Потѣшилъ...

— Радъ стараться для вашей милости.

— Да вѣдь и мѣсто-то царское, — замѣтилъ баронъ. Такого, пожалуй, въ Россіи другого и не сыщешь.

— Ну, хватайте-ка теперь удалую! скомандовалъ дядя пѣсенникамъ.

Борзятники стали въ кружокъ, впустивъ въ него всякій свою свору. На середину вышелъ дородный Иванъ Дементьевъ и затянулъ легкимъ пріятнымъ голосомъ:

Сентябрь мѣсяцъ настаетъ,
Охотниковъ сердце мретъ...

Послѣ того пѣли „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, а въ заключеніе плясовую пѣсню „Лебеду на берегу“. Тутъ одинъ изъ выжлятниковъ выскочилъ на середину, съ ложками въ рукахъ, сдѣлалъ выходку въ кругъ и, отбивъ на мѣстѣ дробь, понесся въ лихой русской пляскѣ.— Не вытерпѣлъ кучеръ Дементій; тихонько пробравшись къ кругу, онъ вдругъ весело и молодцовато вскочилъ въ кругъ, ударилъ на мѣстѣ дробь, потомъ, засучивъ рукава, пошелъ прямо съ казачка, а назадъ, размахнувъ руками и залихватски ухнувъ, пошелъ веревочкой. Изошряясь одинъ передъ другимъ, плясуны выдѣлывали самыя разнообразныя и трудныя колѣна и заключили пляску различными присядками.

— Bravo, bravo! кричали господа, апплодируя пѣсенникамъ и плясунамъ, которымъ посыпались со всѣхъ сторонъ деньги.

Охотникамъ велѣно было поднести водки, а ребятамъ— пива и лакомствъ. Мужикамъ послано было пять рублей на угощеніе.

Молодежь, окончивъ танцы, составила хороводъ подъ пѣсню

„Вдоль по морю, морю синему“, послѣ чего вновь призваны были пѣсенники. На середину ихъ вышелъ полный, красивый, съ окладистой бородой, Федотъ Антоновичъ Бочаровъ и съ легкой вибраціей въ голосѣ запѣлъ: „Во лѣсахъ было, во дремучихъ“. Стройно подхватили его голосъ пѣсенники и полилась эта задушевная пѣсня, сама собою, невольно вливаясь въ душу русскаго человѣка, въ самые глубокіе тайники ея, внося съ собою самыя разнообразныя движенія и прочно вѣдряя въ души горячую любовь къ родной землѣ, къ родному народу.

Ахъ, гдѣ вы, милые, родные, русскія пѣсни? Смогли вы теперь... Не слышно васъ больше... Теперь все пошло на иностранный ладъ!

Подъ звуки послѣдующей плясовой пѣсни „Во лузяхъ“ вышелъ въ кругъ путь Варсонофьевъ и началъ какую-то нескладную пляску, вертясь черезъ голову и колесомъ.— Въ заключеніе въ средину круга вошелъ балалаечникъ Прошка; съ разными прищелкиваньями и прихиваньями онъ запѣлъ:

Хороша наша деревня
Только славушка худа.

А хоръ дружно подхватилъ:

Это правда, это правда,
Это правда все была.

Совсѣмъ уже смерклось, когда дамы настойчиво заявили, что пора домой. Всѣ задвигались и засуетились. Ближніе сосѣди стали прощаться, остальные всѣ въ прежнемъ порядкѣ двинулись домой.

Такъ закончилось празднованье 1 Сентября.

Да... Все это было и теперь поросло ужъ быльемъ!.. Можетъ быть, скучно современному русскому спортсмену читать рассказы о прежнихъ русскихъ охотахъ... Можетъ-быть мелки и жалки покажутся ему наши бывшія радости и удовольствія... Конечно, каждому времени своя обстановка, свой характеръ. Мнѣ-же, какъ человѣку былого, простите увлеченіе былымъ...

(Прод. въ слѣд. №).

С. Карѣвъ.